

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
5. Орлова О. В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6 (96). С. 78–83.
6. Пименова М. В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
7. Попова З. Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
8. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.
9. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. 1993. №1. С. 33–41.
10. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2(28). С. 63–67.
11. ODE 2005: Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press 2005.
12. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. М., 2006.

* * *

1. Vorkachev S. G., Kuznecova L.Je., Kusov G.V. [i dr.]. Lingvokul'turnyj koncept: tipologija i oblasti bytovanija. Volgograd, 2007.
2. Džjuba E. V. Koncept «um» v russkoj lingvokul'ture. Ekaterinburg, 2011.
3. Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.
4. Karasik V. I. Jazykovaja kristallizacija smysla. M.: Gnozis, 2010.
5. Orlova O. V. Zhiznennyj cikl i miromodelirujushhij potencial mediakoncepta // Vestnik TGPU. 2010. Vyp. 6 (96). S. 78–83.
6. Pimenova M. V., Kondrat'eva O.N. Konceptual'nye issledovanija: ucheb. posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2011.
7. Popova Z. D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007.
8. Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: monografija. Volgograd: Peremena, 2004.
9. Shmeleva T. V. Ključevye slova tekushhego momenta // Colloquium. 1993. №1. S. 33–41.
10. Shmeleva T. V. Krizis kak ključevoe slovo tekushhego momenta // Politicheskaja lingvistika. 2009. № 2(28). S. 63–67.
11. ODE 2005: Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press 2005.
12. Efremova T. F. Bol'shoj sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 2006.

World modeling potential of linguistic concepts in comparison: aspect of methods

There is considered the potential of the analysis methods of the world modeling potential of linguistic cultural concepts (by the example of the linguistic concepts TRADITION / ТРАДИЦИЯ). There is discussed the necessity of the comparative research of the linguistic concepts in the dynamic aspect through revelation of the vectors of the associative and sense development that reflect the pragmatic determination of the conceptual units in a particular discourse type.

Key words: *linguistic concept, world modeling potential of linguistic concept, comparative linguistics, methods of analysis.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

Н.Е. ГРИГОРЬЕВА
(Псков)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНА В СИСТЕМЕ ЭТНОНОМИНАЦИЙ

Рассмотрена категория этничности национального языкового сознания диалектоносителей, воплощенная в этнономинациях. Система слов-этнонимов в псковской диалектной картине мира детерминирована культурно-исторической спецификой пограничного региона, что позволяет представить их в культурологическом, географическом, историческом, лингвистическом аспектах.

Ключевые слова: *диалектная картина мира, этноним, этнонимикон, этнический стереотип.*

Этнолингвистика как современное направление в языковедческой науке рассматривает языковые явления в совокупности всех аспектов исследования, направленных на выявление отношений и связей языка и традиционной духовной и материальной культуры народа. По словам Н.И. Толстого, «этнолингви-

стика выявляет народные стереотипы, формирующие этническую картину мира» [10, с. 27].

Этнонимическая лексика является объектом изучения этнолингвистики, обладающей неразрывной связью с ономастикой в целом. Т.А. Сироткина, исследуя этнические имена Пермского края, акцентирует внимание на том, что они «являются неотъемлемой составной частью ареальной лингвистики» [8, с. 170], позволяющей, на наш взгляд, раскрыть специфику национального самосознания этноса, определить категорию этничности в качестве маркированного признака, отличающего «своего» от «чужого».

Одним из ареальных этнонимиконков является состав этнонимов Псковского региона, имеющий такой отличительный признак, как «смешанность», который проявляется в формах существования культуры, этническом составе и особенностях языка на территории этноконтактного пограничья. Признак «смешанности», или, по словам Н.В. Большаковой, «смешения» [2, с. 13–18], по национальной принадлежности является территориально значимым для Псковской земли, т.к. пространство региона обусловлено близостью с Беларусией и странами современной Балтии, что позволяет наблюдать за этноязыковыми явлениями, сохранившимися в псковской диалектной речи. К их числу традиционно относятся наименования топообъектов, названия отличительных признаков быта, условий проживания, внешнего вида, одежды, речи, а также особенностей традиционного уклада жизни этносов. Особое место в этом ряду занимают собственно этнонимации и их производные, используемые в диалектной речи.

В настоящее время территориальные диалекты, псковские говоры в том числе, являются средством накопления и трансляции признаков этнокультурного своеобразия региона. В сознании диалектоносителей присутствует определенный набор представлений о своей этничности и тех, кто проживает с ними по соседству.

Анализируя псковский этнонимикон, мы обнаружили, что в системе этнонимаций можно выделить ряд бинарных оппозиций, характеризующих непосредственное присутствие сведений о том или ином этносе. В статье использован материал преимущественно псковских говоров (хотя исследование в целом строится на более широком диалектном фоне).

Рассмотрим лексические противопоставления, описывающие этнос по национальному признаку. В псковских диалектных текстах

и отдельных высказываниях актуализируются образы народов, имеющих глубокие корни и взаимные контакты на территории Псковской земли. Следует отметить, что закономерным является употребление этнонимаций в грамматических противопоставлениях форм единственного и множественного числа с проявлением собирательности. К их числу можно отнести такие этнонимации, как *белорусец*: *И биларусцы в ётай дирэвни сабираюцца*. Нев. [6, I, с. 164]; *латвиец, латвинец, латыш, латышня, латышняк, латышьё*: *Ана [дочка] вышла за латвийца. Оны богатыйи*. Дн. [Там же, XVI, с. 523]; *А муш у ёй был латвинец. Латвинцы харошыя дъ меня были*. Локн. [Там же]; *Егон атец был латыш*. Печ. [Там же, с. 529]; *Раньшэ лапти насліли, а ёта латышня фсё витушки, верёвачьки такие тоненькие*. Палк. [Там же, с. 530]; *Там фсё латышняк жыли*. Стр. [Там же, с. 531]; *У Латвиихристили лътышійо*. Себ. [Там же]; *чудь; чухна / чухня, чухно, чухонец, чухняк, чухнище*: *Дет мой абрисовывал мне, што здесь нарёт такой раньша жыл, чуты*. Гд.; *Вот чуди-та тут разгаваривали на ётам языке*. Гд.; *Такая чухна, на фсих чартэй пахóжа, чухна хуть три и гóда ф катлэ вари, фсё чухна*. Гд.; *А Яна-та на чухня пахóжа*. Печ.; *Дёдушка наш был чухно*. Кр.; *Тама чухонцы жыли*. Кун.; *Шёл са мной чухняк, он глидел на небу*. Пск.; *Не люблю я ётих чухнишишэф, харашó, што их отсюда подобрáли*. Печ.; *эстонецф была, вайна зашла, ани и удрали*. Гд. [5]; *Ф Печёрах многа куратоф жывё*. Гд. [6, XVI, с. 380].

Все перечисленные этнонимы функционируют в псковской диалектной речи в противопоставлении русским: *Ёта руские были*. Оп. [5]. Несмотря на ядерный характер этнонима *русские*, степень его употребительности в речи довольно низкая. Однако оппозиция является актуальной, потому что она, как правило, связана с онтологическими категориями: «свое – чужое», «мы – они», которые присутствуют в сознании человека, а «чужой» и «они» изначально маркированы отрицательно: *Нет лучишы рускава чилавека, руских и нет*. Печ.; *Яму ни отказать ни чухну, ни рускаму*. Пск. [Там же].

Материал псковских говоров позволяет выявить ряд дифференциальных признаков, которые структурируют систему этнонимаций в целом: гендерный (мужской / женский), возрастной (взрослый / невзрослый), наименование ареала, занимаемого этносом. Использование словообразовательно активных форман-

тов при реализации вышеуказанных этнонимических моделей предполагает наличие общих тенденций образования слов-этнонимов. Так, псковская диалектная речь характеризуется полной, без лакун, реализацией словообразовательных моделей, отражающих общее гендерное противопоставление этнонимаций: 1) *белорусец – белору́ска*: *Вы скабарки или биларуски, нарецьця-та у вас такая* [7, с. 258]; 2) *латвиец, латвинец – латвинка*: *Есть у ниво там и латвинка, латышка*. Остр. [6, XVI, с. 523], а также наблюдается синонимичное параллельное образование: *латыи́*¹ – *латышка́*¹, *латыша́нка*: *Латышка на русски ни пилюк*. Кр.; *Мы, латышанки: то́же научились гаварить на-латышки*. Печ. [Там же, с. 530]; 3) *чухонец – чухонка, чухончка*: *Што́-та чухонка ве́рхнюю окно́ закры́ла*. Стр.; *Де́вачка-чухончка, насі́ ваду́ тихоничка*. Кун. [5].

Наряду с оппозицией по гендерному при знаку в псковских говорах отмечаются этнопротиповопоставления по возрастной составляющей. Для наименования представителя младшего по возрасту, как правило, ребенка, используются следующие этнолексемы: *латышок*: *У няё сын уехал у Комию, и сястра у Комяи живёт; с нею мальчик яё, латышок*. Пуст. [6, XVI, с. 531]; *чухнёнок / чухнята*: *Ани чухнята эти малинки, из-за угла так вот, выглядывають, а мать им гаварит: «Ни хади туда, там русские»*. Пл., *Раньшь рябёнък хоть год жыви, а фсе́ чухнёньк, няхресть*. Гд. [5].

Лексический состав рассматриваемых этнонимаций активно пополняется этнотопонимическими противопоставлениями одного типа, свидетельствующими об актуальности используемых в основе этнонимов: *Латыщина* в значении ‘название Латвийской республики в составе бывшего СССР’: *Даро́гу навяду́ть харо́шую, шасе́ – в Латыщи́шну езьди́ть*. Палк. [6, XVI, с. 531]; *Чухони́щина* ‘местность, деревни, где компактно жили представители финно-угорской народности сету, исповедующие православие (в окружении русских деревень – Сетомаа)’: *В нас и ра́ньшь ярманки ни были, эта ф Чухони́шны были*. Пл. [5]. Помимо неофициальных наименований, на карте Псковской области присутствуют и реальные топонимы, внутренняя форма которых соотносима с наименованиями прибалтийско-финской народности (чудь, чухно): *Чудское озеро*, деревни *Чудская Рудница*, *Чудские Заходы*, *Чухново*, *Чухонские Заходы*, *Чухонское Загорье*, *Чухны*, *Чухово*, *Чухонское*, однако это тема для отдельного исследования [9].

Таким образом, в лексическом материале современных псковских говоров выявляется ряд типологически сходных дериватов, которые возможно представить как оппозиционные модели этнонимаций, отражающих историко-географические контакты между названными этносами на территории Псковского региона.

Этноним *русские* в псковских говорах функционирует в разных формах и употребляется для номинации представителей одного из восточнославянских народов. Поскольку этноним *русские* выступает в качестве маркированного члена этнонимической оппозиции, который всегда занимает сильное положение, то, естественно, он представляет собой ядро этнонимического пространства региона, в границы которого входят как собственно этнонимы, так и другие словоформы, называющие представителей русской национальности: *Я веть ру́ска*. Дед. [5]. Бинарность противопоставлений с другими национальностями связана с историческими событиями, характеризующими периоды Великой Отечественной войны и оккупации псковской территории [3, с. 152]. Оппозиционность также проявляется в альтернативе *русские – нерусские*, наполненной в большей степени отрицательными коннотациями (неодобренность, презрительность, уничижительность): *Наеха́фшы́ туда́ и няру́скы, фся́кы там*. Печ.; *Не люби́ неру́ских, ни наделъ́л бы́ дело́ф*. Дн. [6, XXI, с. 227]. Возникновение признака экспрессивности у этнонимов, по словам А.И. Грищенко и Н.А. Николиной, связано с «субъективно-эмоциональным отношением к этим этносам» [4, с. 177] и объясняется устойчивостью этнических стереотипов в сознании и языке этносов по отношению друг к другу. Согласно определению Е.Л. Березович, что подтверждается и псковским диалектным материалом, «этнический стереотип – это устойчивый комплекс народных представлений о каком-либо народе, нации, отражающий особенности народной “ксенопсихологии”» [1, с. 208].

Вместе с тем наблюдаемые признаки экспрессивности не мешают развитию лексико-семантической системы слов-этнонимов, поле которых включает производную адъективную, адвербиальную и глагольную лексику, образованную по общим деривационным моделям, ср.: (adj) *латышский, латвийский, латвинский, латинский, латышастый*, (adv) *по-латышски, по-латвийски, по-латвински, по-латинску*, (verb) *латышать, латышитъ, латышкаты*; (adj) *чухонский, чухоновский, очухонский*, (adv)

по-чухонски, (verb) *зачухаться, начухать, начухаться, обчухаться*; (adj) *русский*, (adv) *по-русскому, по-русски*, (verb) *обрусеть* и т.д. Более того, языковая картина мира псковского крестьянина, живущего длительное время на пограничной территории, содержит актуальные категории, базирующиеся на этнонимах, что способствует возникновению сопоставимых номинаций для обозначения реалий, понятий и предметов из разных сфер традиционной материальной и духовной культуры (ср.: *чухонская / немецкая прялка – русская прялка, чухонское / эстонское коромысло – русское коромысло* и др.).

Таким образом, исследуя функциональный состав этнонимов в псковской диалектной речи, возможно проследить, как категория этничности через слово-этноним способна отражать определенный этнический фрагмент картины мира диалектоносителя, связанный с формированием представлений о национальном многообразии, а геополитическая обусловленность региона позволяет назвать его зоной активных этнических контактов. Фактор пограничной ситуации позволяет через употребление этноминаций наиболее активно выразить оппозиционные соотношения «свое – чужое», «мы – они».

Список литературы

1. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014.
2. Большакова Н.В. Мотив «смешения» как признак этноконтактной диалектной зоны (на материале псковских говоров) // VALODA – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2013. Lpp. 13–18.
3. Григорьева Н.Е. Этноним «русские» в лексической системе псковских говоров // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2013. Вып. 3. С. 151–157.
4. Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: кол. монография / отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова // Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: УрГУ, 2006. С. 175–187.
5. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина при СПбГУ).
6. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Вып. 1–25. Л.(СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2015.
7. Пурицкая Е.В. Вербализация представлений о языке в речи носителей диалекта // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 8 / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 252–260.
8. Сироткина Т.А. Этнонимика как раздел ареальной лингвистики // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры: материалы Междунар. конф. V Чтения памяти акад. О.Н. Трубачева. Алупка. 25–30 сент. 2008 г. Киев; М., 2008. С. 171–174.
9. Справочник Административно-территориального деления Псковской области (1917–2000 гг.). Псков, 2002.
10. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

* * *

1. Berezovich E.L. Russkaja leksika na obshheslavjanskom fone: semantiko-motivacionnaja rekonstrukcija. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2014.

2. Bol'shakova N.V. Motiv «smeshenija» kak priznak jetnokontaktnoj dialektnoj zony (na materiale pskovskih govorov) // VALODA – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2013. Lpp. 13–18.

3. Grigor'eva N.E. Jetnonim «ruskie» v leksicheskoj sisteme pskovskih govorov // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki. 2013. Vyp. 3. S. 151–157.

4. Grishhenko A.I., Nikolina N.A. Jekspressivnye jetnonimy kak primety jazyka vrazhdy // Jazyk vrazhdy i jazyk soglasija v sociokul'turnom kontekste sovremennosti: kol. monografija / отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова // Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: УрГУ, 2006. С. 175–187.

5. Kartoteka «Pskovskogo oblastnogo slovarja s istoricheskimi dannymi» (hranitsja v Pskovskom gosudarstvennom universitete i v Mezhhkafedral'nom slovarnom kabinete im. prof. B.A. Larina pri SPbGU).

6. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi / pod red. B.A. Larina [i dr.]. Vyp. 1–25. L.(SPb.): LGU (SPbGU), 1967–2015.

7. Purickaja E.V. Verbalizacija predstavlenij o jazyke v rechi nositelej dialekta // Severnoruskie govory: mezhvuz. sb. Vyp. 8 / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 252–260.

8. Sirotkina T.A. Jetnonimika kak razdel areal'noj lingvistiki // Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavjanskoj kul'tury: materialy Mezhdunar. konf. V Chtenija pamjati akad. O.N. Trubacheva. Alupka. 25–30 sent. 2008 g. Kiev; M., 2008. S. 171–174.

9. Spravochnik Administrativno-territorial'nogo deleniya Pskovskoj oblasti (1917–2000 gg.). Pskov, 2002.

10. Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. M.: Indrik, 1995.

Reflection of cultural and historic peculiarities of the region in the system of ethnic nominations

There is regarded the category of ethnic character of the national language mind of dialect bearers incarnated in ethnic nominations. The system of ethnonyms in the Pskov dialectal world picture is determined by the cultural and historic peculiarities of the frontier region, which allows considering them in the culturological, geographic, historic, linguistic aspects.

Key words: *dialectal world picture, ethnonym, ethnic stereotype.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Т.Е. ГРЕВЦОВА
(Ростов-на-Дону)

МОТИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОБРЯДОВЫЙ ХЛЕБ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ СВАДЕБНОМ РИТУАЛЕ

Рассматриваются мотивационные возможности культурных терминов, обозначающих обрядовый хлеб в восточнославянской свадьбе. Выделено три группы названий, производных от терминов со значением обрядовой выпечки: наименования эпизодов свадьбы, ее персонажей и атрибутов. Определены особенности каждой группы названий и причины их появления.

Ключевые слова: *восточнославянский свадебный обряд, культурный термин, обрядовый хлеб, мотивационные возможности.*

В отношении к понятию мотивации каждое слово может быть охарактеризовано, с одной стороны, как производное или непродуцированное (мотивированное или немотивиро-

ванное), а с другой – как способное или неспособное служить мотивационной базой для новых наименований. Замечено, что исследования мотивационных возможностей (потенций) слов и так называемых «внешних мотивационных моделей» (в противоположность «внутренней» мотивации, заложенной в самом слове [36, с. 192]) выходят за рамки языковой системы, «во-первых, в сферу текстов (начиная от паремиологии и включая фольклорные, мифопоэтические, заклинательные и т.п.), а затем в сферу ритуала, повседневной практики, верований» [Там же, с. 202].

Изучение мотивационной продуктивности культурных терминов, которые одновременно принадлежат языку и культуре и называются семантически значимые реалии, отвечает одному из главных требований, предъявляемых к исследованию обрядовой лексики, – системному подходу, способствующему более эффективной реконструкции древней духовной культуры [37, с. 218]. Такой анализ позволяет выявить связи между разными компонентами ритуала и определить наиболее значимые из них, наименования которых чаще других становятся мотивационной базой для обрядовых терминов.

Исследователи неоднократно отмечали, что ритуальные действия с хлебом занимают важное место в структуре славянского свадебного обряда. Значимость обрядового использования выпечки также подтверждается мотивационными возможностями ее названий. Комплекс терминов свадебного ритуала, так или иначе связанных с обрядовым хлебом, охватывает не только названия видов печения, но и производные от них наименования. В данной статье мы рассмотрим следующие группы обрядовых терминов, мотивированных названиями свадебной выпечки: 1) наименования эпизодов свадьбы; 2) наименования ее участников; 3) наименования ее атрибутов. Материалом для исследования послужили словари диалектной лексики русского, украинского и белорусского языков, опубликованные исследования, посвященные свадебному обряду восточных славян, неопубликованные материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (далее – ПМДЭЭ ЮФУ).

1. Названия эпизодов свадьбы. Использование названий обрядовой выпечки в каче-